

**БОРЬБА ШЛЯХТЫ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО
ЗА СВОИ СОСЛОВНЫЕ ПРИВИЛЕГИИ В XVI В.**

И.Ю. Уваров

Гомельский государственный технический университет им. П.О. Сухого г. Гомель

Феодальное общество Великого княжества Литовского в XVI в. было иерархичным и корпоративным. Представители господствующего сословия занимали привилегированное положение в области политики и в сфере экономики, выполняя при этом важную роль в идеологической жизни. Социально–политическое лидерство феодалов определялось тем, что все важные должности в государственном аппарате, как в центре, так и на местах занимали знатные шляхтичи, владельцы обширной земельной собственности. Представители шляхетской олигархии определяли направления всей внешней и внутренней политики государства. Нормы феодальной морали находили отражение в летописях, хрониках, песнях и легендах.

В XVI в. шляхта стала одним из привилегированных сословий, которое, в свою очередь, делилось на крупных шляхтичей—магнатов, среднюю и мелкую шляхту. Со временем служилая шляхта начинает получать землю с феодально—зависимыми людьми. Ведущая роль в политической жизни государства принадлежала крупным магнатам. Представители шляхетской магнатории владели обширными земельными латифундиями, с которых во время войны можно было выставить большое количество конных воинов [1, с. 30–33; 2, с. 154–155].

Согласно постановлению Виленского сейма в 1528 г. была назначена общая перепись феодального состояния для урегулирования норм военной службы. Так, например, по данным «пописа» войска ВКЛ 1528 г. и принятой Ухвалы от 1 мая сказано «учинённая з стороны обороны земское колько хто с панов рад вранников и всих обывателей Великого князства Литовского зымений своих к службе военной коней ставити ма-ет».

Представители аристократической верхушки выставили со своих имений разное количество ратных людей: князь П.А. Гольшанский — 122 конный воина, П.С. Кишка — 224, Г.Г. Остикович — 177 и т.д. [3, с. 351–362; 4, с. 1–232]. Большое количество снаряженных на войну всадников говорит о богатстве и финансовом могуществе этих феодалов. Следует отметить, что в западных поветах ВКЛ численный и качественный состав хоругвей был значительно выше, чем в восточных землях страны, обусловлено это было рядом социально—экономических причин повлиявших на развитие феодального общества [5, с. 25–26]. При этом следует помнить, что Поднепровским волостям был нанесен значительный ущерб в период русско—литовский вооруженных конфликтов.

В условиях развития всякого рода противоречий в среде феодалов к концу первой половины XVI в. были существенно ущемлены права мелкоземельной шляхты со стороны более состоятельных землевладельцев [6, с. 18]. Так, например, держатель земли и его потомки являлись слугами того лица, от которого они получали землю [7, с. 617; 8, с. 1–2]. Примером тому является грамота великого князя Сигизмунда Старого от 4 апреля 1508 г., где речь идет о признании боярских прав Андрея Мышковского, который жалуется государю на то, что у него хотят отнять земельное владение, на которое у него есть «лист». Сам же боярин за эту землю нес военную, конную службу. В ответной грамоте великий князь повелевает А. Мышковскому и его потомкам владеть данной землей [8, с. 14]. Из великокняжеской канцелярии была выдана грамота 11 апреля 1522 г. о признании прав и подтверждении звания королевского боярина Ловца Яновича за несение им военной службы.

В период XVI в. была ярко выражена разница в имущественном положении среди военно—служилой шляхты. Представители этого сословия в силу своего имущественного положения находились по отношению друг к другу в жестких противоречиях, особенно между средней и мелкой шляхтой. Мы можем выявлять из источников различные социальные трагедии исторического прошлого. В 1529 г. 18 апреля в Вильно в период прохождения судебного процесса слушалось дело о тяжбе господарского боярина Богдана Радивиловича из Родунской волости с дворянином Иваном Вязмятиным. Из дела видно, что И. Вязмятин отказывался от предъявленных ему обвинений. По этому поводу судебные заседатели постановили: выехать к месту конфликта при условии, если кто—то из враждующих не примет участие в вывозе судей, то та сторона тратит право на землевладение. Исследуя опубликованные документы можно выявить интересные факты времени, насколько скрупулезно в те времена оформлялись документы системы судопроизводства. Таким образом можно увидеть, что от преступных действий И. Вязмятина пострадал землянин этой же волости Петр Миколаевич Зузанна, у которого И. Вязмятин вырубил лес и бортные деревья, напал на его дом, избил жену и слуг «и шкоды великие поделал, и земли наши властные забрал». Здесь следует указать на междоусобную борьбу в рядах господствующего сословия бояр—шляхты. Конечно на подобный произвол и беззаконие, суд постановил, разбойным действиям И. Вязмятина положить конец [9, с. 82–83].

В Великий суд от 31 мая 1529 г. поступило дело городенского боярина Фронцька Яновича Билевича и его сына Стецка о ссоре с боярыней М. Козиною из—за участка земли Митевыщины. В жалобе указано, что боярыня держит землю Ф. Билевича без всякого на нее права и уступать владельцам не желает. На суде боярыня сообщила, что эту землю она держит поскольку та была куплена ее мужем Матеем, на что у нее есть нужная грамота, которую М. Козина представила судьям. Далее Ф. Билевич утверждал, что эта земля продана его родственником за шесть коп грошей и он готов откупить это владение у новой хозяйки... «за дедизну свою, хочу тую шесть коп грошей ей отложить, а близность свою хочу держати». В итоге суд вынес решение: Ф. Билевич имеет право за шесть коп грошей выкупить свое право на пользование наследством. Суд предписал боярыне аннулировать купчий лист, так как человек отправляющий земскую службу имеет право продать только третью часть от своей земельной собственности.

С продажей всего владения военно—служилый человек терял свое шляхетское звание [9, с. 94]. В отношении прав женщин на феодальное владение следует отметить, что документы начала XVI в. широко свидетельствуют возможности женщин вдов, быть в достаточной степени самостоятельными. Главным условием этой независимости являлось наличие опекуна мужчины, если ее муж при жизни оставил завещание на имущество. Как правило покровителем вдовы мог быть родственник пользующийся авторитетом у людей. Отстаивать свои права в судебном порядке могли женщины разного материального достатка и привилегированности в обществе [10, с. 34; 11, с. 961].

К числу подобных документов можно причислить множество актов записей данного периода, которые требуют внимательного систематизированного анализа и структурной обработки по составлению схематических таблиц и т.д.

Документы и материалы XVI в. сохранили немало свидетельств о различных спорах, которые возникали между представителями сословия шляхты с феодально-зависимым населением. В ходе проведенного наблюдения видно, что конфликты, возникавшие в среде феодального сословия, были самые разнообразные, но наиболее обостренно стоял вопрос связанный с поиском и возвратом беглых крестьян. Подобного рода конфликты рассматривались в суде и, как правило, решались в пользу тех владельцев, у кого были юридически оформленные документы на феодально-зависимых людей [11, с. 452; 12, л. 20, 20^{об}, 21]. В грамоте от 1 февраля 1569 г. видно, что господарь предписывает Луцкому старосте Б.Ф. Корецкому, выдать беглых крестьян... «которые за тебе зашли» и восполнить убытки, причиненные дворянину А. Семашко. Сигизмунд-Август пишет строгое распоряжение... «приказуем тебе, ажь бы жесь тых людей его, зо всями статками и маетностями их, с чим буде до тебе зашли, ничим не чикуючи выдать [11, с. 223–234]. Однако возникшие споры между феодалами и зависимыми людьми, завершались исключительно в пользу представителей привилегированного сословия. Такой пример можно рассмотреть в жалобе господарского человека Витебского воеводства Я. Кузмича, который жаловался в 1531 г. на боярыню У. Поддубейскую, которая возвращает его в неволю, желая сделать его зависимым человеком [13, с. 54]. В 1530 г. 5 марта в Волковыске суд рассматривал дело дворянина пана Василия Карповича Трызны в отношении волковысского боярина Петра Заранковича по вопросу грабежа лошадей. На суде боярин П. Заранкович сознался, что «...я трое коней в него пограбил...», а причина тому следующая: от боярина ушел зависимый человек к В. Трызне, который был должен П. Заранковичу деньги в сумме четыре копы грошей, «...а тых чотырах коп мне не заплатил». И чтобы возместить утраты боярин украл трех лошадей. Вынесенный приговор обязывал В. Трызну заплатить указанные деньги пострадавшей стороне [9, с. 109]. Принимая во внимание особенности эпохи, следует отметить, что споры между боярами, боярами и мещанами из-за грабежа лошадей были делом обычным и распространенным [14, л. 13, 13^{об}].

Стремление к личной самостоятельности и освобождение от феодальной зависимости диктовались условиями времени. Достаточно часто путные слуги в период военных действий, когда шляхтич выступал на войну со своими подданными начинали проявлять настойчивость по делу выхода из зависимости. В условиях войны шансы получить материальные блага значительно увеличивались. Если слуги феодала-рыцаря совершали военные подвиги, принимая участие в сражении, то гетман наделял их участком земли, что считалось в то время очень высокой наградой. Такова была цена за пролитую кровь и полученные увечья на войне. Всякий, кто получал земельное владение, до того, чтобы можно было вести сельское хозяйство, был обязан отправлять разные господарские повинности, но главной задачей этих служилых людей было отправление военной службы.

Особенно возросла значимость земской службы с началом Ливонской войны 1558–1583 гг. Помощь оказанная ВКЛ Ливонии обострила ряд противоречий существовавших в феодальном государстве. Сигизмунд-Август издал своего рода приказ всем старостам, державцам, хорунжим, шляхте, шляхетским и боярским вдовам о поддержании на должном уровне земской службы, что означало в тот период, заботу господарской власти об обороноспособности страны [11, с. 89–93, 993–995; 15, л. 113–113^{об}].

В завершении следует отметить, что источники данного периода предлагают фрагментарный и нечетко выраженный материал, это делает их трудно сопоставимыми. Наличие этих недостатков в любом исследовании позволяет использовать иллюстративный метод аргументации основных положений и выводов по организации социально-экономической, политической и правовой жизни шляхты ВКЛ. Следует отметить, что пока еще остается нерешенной проблема типологии источников по различным направлениям социальной, хозяйственной и культурной деятельности шляхты. Совсем не изучены вопросы генеалогии шляхетского сословия Беларуси. Эти и многие другие задачи вполне могут стать предметом скрупулезного фундаментального исследования.

Список используемых источников

1. Спиридонов М.Ф. Закрепощение крестьянства Беларуси (XV–XVI вв.) / Под ред. А.Л. Хорошкевич. – Мн.: Наука і тэхніка, 1993. – 223 с.
2. Ochmanski J. Powstanie i rozwój Latyfundium biskupstwa wilenskiego. 1387–1550; Ze 171tudnio nad rozwojem wielkiej weasnosci na Litwie i Bialorusi w sredniowieczu. Poznan, 1963. – 63 s.
3. Любавский М.К. Литовско-русский сейм. Опыт из истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства. – М.: О-во истории и древности рос. При Моск. Ун-те, 1900. – 850 с.
4. Русская историческая библиотека, издаваемая археографическою комиссиею. Юрьев, т. 30. Литовская Метрика. Отд. 1. Ч. 3., 1915. – 1351 с.
5. Уваров И.Ю. Экономическое положение шляхты западных поветов белорусских земель в XVI в. // Актуальные проблемы в изучении и преподавании общественно-гуманитарных наук (Дисциплин). Материалы I (Первой) Международной научной конференции, 2–3 декабря 2010 г. – Витебск: Витебский филиал УО ФПБ «МИТСО», 2010. – 692 с.
6. Юхо И.А. Правовое положение населения Белоруссии в XVI в. Мн., изд-во БГУ, 1978. – 143 с.
7. Довнар-Запольский М.В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, Тип. Ун-та, 1901. – 884 с.

8. Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Т. 1–39. Т. 24: Акты о боярах 1491–1796 гг. – Вильна, Тип. Губ. Права, 1897. – 547 с.

9. Литовская Метрика = *Lietuvos metrika* / Вильнюсс. ун–т.: Изд–во Вильнюс. ун–та, 1995. т. 6. Книга судных дел. /1528–1547/: (Копия – конц XVI в. / [Подгот.: И. Валиконте и др.; Ред. кол.: С. Лазутка (отв. ред.) и др.]. – CXLVIII, [2], 337 с.: факс., ил.

10. Алексейчикова Н.Н. Вдовство в белорусских городах в XVI–XVII вв. (по материалам актовых книг Могилевского магистрата) // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта серыя 2, гісторыя, эканоміка, права, навукова–тэарэтычны часопіс. № 2 / 2010. 33–41 с.

11. Русская историческая библиотека, издаваемая археографическою комиссиею. Спб. Т. 20. Литовская Метрика. Отд. 1. Ч. 2., 1903. – 1599 с.

12. Национальный исторический архив Беларуси (в дальнейшем НИАБ). Ф. 694, оп. 1, ед. хр. 40 Часть 1.

13. Беларускі архіў = *Weissruthenishes archiv*. Ін–т бел. культуры, Ад. дз. гуманітарных навук. Археаграф. каміс. – Мінск., 1928. Т. 2.: (XV–XVI) [Літоўская метрыка 14 ступ. арт. 3. Даўгялы]. L. 341 с.

14. НИАБ. КМФ–18. Описание Литовской Метрики. Оп. 1, д. 16. Часть 1. «Кніга справ судовых бояр, мещан и волостных людей Витебского и Полоцкого повету».

15. НИАБ КМФ–18, оп. 1. д. 529. Часть 1–2. «Королевские указы разным лицам по разным: о податях, войске и т.д., с указанием кому и с кем указы посланы».